

ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ
ЯНВАРЬ, 1915 Г.

АЛЕКСѢЙ СЕРГѢВИЧЪ СУВОРИНЪ.

(Мои воспоминанія о немъ, думы, соображенія).

«Я, вообще, того мнѣнія, что выдающіеся люди должны обращать на себя вниманіе печати. Что же страна безъ нихъ?»

А. С. Суворинъ.

I.

Нѣсколько предварительныхъ словъ.

ВОЛШОЙ, необыкновенно большой, но доступный и не скрывающійся, стоитъ передо мною этотъ замѣчательный чело-вѣкъ, сѣдой, обремененный славой, богатствомъ, годами, а въ послѣднее время его жизни—болѣзнью и тяжкими страданіями, сильный во всю свою длинную дорогу, молодой душою и сердцемъ. О немъ хочется говорить и говорить долго. О немъ хочется также много писать, но это гораздо труднѣе, чѣмъ вспоминать Суворина въ товарищеской бесѣдѣ. Ужъ, кажется, чего бы лучше, какъ не взяться за перо и начать.... Но тутъ-то и нахлынуть на васъ сомнѣнья. Вѣрны ли ваши критическіе вѣсы, есть ли зоркій глазъ, умѣнье и вкусъ постигнуть большого чело-вѣка, произвести вѣрную оцѣнку его громадной и раз-нообразной дѣятельности? А. С. Суворинъ—послѣ Л. Н. Тол-стого—ужъ очень переросъ всѣ наши представленія объ обществен-ныхъ дѣятеляхъ. Впрочемъ, дѣятели бываютъ различные не только

ростомъ таланта, но и качествомъ. Къ иному и сердце не лежить, хотя на видъ это дѣятель эффектный, и портретъ его хорошъ, и губы улыбаются, и вѣнокъ изъ розъ на челѣ, какъ у пирующаго древняго римлянина. Но фальшиво смѣются уста, нѣтъ аромата у цвѣтовъ, и какю-то мутю покрыты тайныя вождельнія этого дѣятеля, хотя иногда толпа его любитъ, и слава его раздута до чрезвычайности, хотя это и заблужденіе.

Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ не таковъ. Его открытое и серьезное русское лицо не улыбается приторной улыбкой, онъ не прихорашивается передъ вами, не завиваетъ въ папильотки своихъ фразъ. Онъ живетъ лишь затѣмъ, чтобы сказать вамъ горькую правду, которую онъ умѣлъ говорить всегда. И самъ онъ постоянно ждалъ правдивой себѣ оцѣнки, честнаго къ своимъ трудамъ печатаго отношенія. Но если бы вы знали, какъ не просто подойти къ такому большому усопшему дѣятелю! Тяжелы они, русскіе золотые таланты-самородки. Я вотъ сейчасъ всей памятью моею, всѣми итогами впечатлѣній отъ долгаго знакомства съ нимъ хочу приподнять этотъ цѣнный литературный массивъ,—и, простите, я принужденъ сознаться, что тяжело и больно стало моему плечу! Но у меня есть «архимедовы рычаги»: это моя любовь къ А. С. Суворину и благодарность стараго сотрудника, чтущаго и оберегающаго память своего наставника-редактора. При помощи такихъ рычаговъ я, несомнѣнно, дѣлаюсь сильнѣе и рѣшительнѣе. И я попробую поднять этого тяжелаго и милаго старика и поставить его на пьедесталь моей собственной постройки, моихъ архитектурныхъ украшеній... *Noli turbare circulos meos!*

А. С. Суворинъ представляетъ собою для біографа великолѣпный матеріалъ, ничѣмъ не затемненный. Суворинъ свободенъ отъ всякой позы и рисовки. Онъ «простъ, какъ вычитаніе цѣлыхъ чиселъ» (сравненіе, можетъ быть, курьезное, но оно удивительно подходитъ!). Суворинъ виденъ весь, и дѣлами своими, и словами онъ утверждаетъ всегда одно и то же:

— Я вотъ какой, это люблю, это ненавижу, это вотъ мнѣ нравится, а это я считаю пошлымъ!

Главнымъ образомъ, онъ былъ истинный патріотъ своего отечества и любилъ его, и весь ему отдавался, отстаивалъ его во всю жизнь отъ напастей, сражался съ его врагами, хранилъ его высокое достоинство, стоялъ за русскій талантъ, за самобытность Россіи. Истинный сынъ родины, онъ заслужилъ себѣ нерукотворный мавзолей!

Суворинъ носилъ имя «Алексѣй», что значитъ *помощникъ*.

Это было его истинной эмблемой: помощь ближнимъ. Дѣйствительно, онъ только и дѣлалъ, что всю жизнь и всѣмъ помогалъ. И въ прямомъ, и въ переносномъ значеніи этого слова. Онъ всегда смѣло отстаивалъ тѣ реформы, какія находилъ полезными для

Россіи, которыя намъ помогали и насъ возвышали; если же что-нибудь онъ считалъ вреднымъ, то, не боясь, что возбудить противъ себя гнѣвъ интеллигентной толпы, громко заявлялъ:

— Это не для Россіи! Назадъ! Не нужно этого!

Когда вспыхнули студенческіе беспорядки (незадолго до Пушкинскаго праздника въ Москвѣ), Суворинъ первый сказалъ:

— Если студенты хотятъ заниматься политикой, а не учиться, пусть уходятъ изъ университета! На ихъ мѣсто много кандидатовъ. Вся Русь рвется къ наукѣ.

По тогдашнему времени это было очень рѣшительно и рѣзко, но Суворинъ всегда въ своихъ статьяхъ тѣснилъ своей правдой и умомъ. Не даромъ Пушкинъ сказалъ:

«А умъ, любя престоръ, тѣснитъ!»

Впослѣдствіи стало общимъ лозунгомъ, что политикъ не мѣсто въ храмѣ науки. Правда восторжествовала. Но первый о ней открыто объявилъ Суворинъ. Онъ первымъ поставилъ «камень во главу угла».

Въ 1905 году Алексѣй Сергѣевичъ оказался за границей. Возвращаясь, онъ слышалъ, что у насъ «революція».

— Какой вздоръ!—сказалъ онъ.—Въ Россіи не можетъ быть революціи, и всѣ эти событія въ Москвѣ—пародія на возстаніе...

Такъ оно и было! Онъ провидѣлъ несерьезность и ничтожность «движенія».

Суворинъ имѣлъ государственный умъ. Какъ жаль, что онъ не дожилъ до пылѣншей войны, когда воскресъ русскій могучій патріотизмъ, вспыхнула былая горячая вѣра въ Бога, явилось мужество, настали побѣды и надъ врагомъ, и падъ «зеленымъ зміемъ»... То-то бы порадовался всему этому старый Алексѣй—этотъ большой помощникъ великой Россіи!

II.

Въ гостяхъ у Антоши Чехонте.

Въ 1914 году, въ октябрѣ мѣсяцѣ исполнилось двадцатипятилѣтіе моего сотрудничества въ «Новомъ Времени». Такимъ образомъ, почти четверть вѣка мнѣ пришлось имѣть непосредственныя отношенія къ издателю этой газеты.

Чтобы говорить о знакомствѣ съ А. С. Суворинымъ, предварительно никакъ не избѣжишь цѣлаго ряда лицъ, служащихъ звеньями цѣпи, ведущими къ главной фигурѣ моего очерка. Не безъ удовольствія, а подчасъ даже съ прямой отрадой приступаю я къ такому разсказу. Приходится вспоминать и живыхъ, и усопшихъ. Стоитъ только назвать иныя имена, какъ сейчасъ же повѣетъ тоностью, былыми надеждами и очарованіями.

Прежде всего—одинъ изъ симпатичнѣйшихъ людей, любимецъ А. С. Суворина, имъ созданный или, по крайней мѣрѣ, твердо поставленный на ноги, только что начавшій тогда входить въ славу Антонъ Павловичъ Чеховъ, еще не успѣвшій утратить своего прозвища «Антоша Чехонте», популярнаго въ маленькихъ кружкахъ журнальной Москвы того времени. Подъ этимъ псевдонимомъ Чеховъ писалъ свои юмористическіе рассказы сначала въ «Будильникѣ», «Осколкахъ» и «Стрекозѣ», потомъ—въ «Петербургской Газетѣ», у С. Н. Худекова. Въ нашихъ кружочкахъ такъ его и называли. Бывало, назовешь фамилію: «Чеховъ».

— Кто это? Какой Чеховъ?

— Да вотъ—Антонъ Чеховъ.

— Ахъ, Антоша Чехонте! Такъ и говорите, а то вѣдь есть еще другой Чеховъ, Александръ, братъ его, нашего-то, старшій братъ.

— Такой же хорошій, милый?—спрашивалъ я у товарищей.

Редакторъ «Будильника» А. Д. Курепинъ, писавшій также московскіе фельетоны въ «Новомъ Времени» за подписью «А. К.—инъ», качалъ загадочно своей красивой головой и говорилъ ласково:

— Его псевдонимъ—Агафоподъ Единицынъ...

Всѣ смѣялись, и только тогда я понялъ этотъ смѣхъ, когда увидалъ самого «Агафопода Единицына». Ужъ очень онъ разнился съ братомъ! И наружно, и внутренно.

Въ тѣ времена, т. е. въ 1889—1890 гг., Антонъ Павловичъ Чеховъ былъ высокій, стройный и весьма красивый молодой человекъ, широкія плечи котораго не говорили даже о тѣни болѣзненности. Лицо у него было живое, открытое, съ прекрасными свѣтло-кариыми глазами, «какъ копейки», очень умными, иногда задумчивыми, но чаще блестящими огнемъ веселаго и добродушнаго юмора. Волосы на его головѣ, волнистыя, темныя и обильныя, формой прядей напоминали волосы Антона Рубинштейна. Небольшая бородка и пробивающіеся усы каштановаго цвѣта нѣсколько упрощали это оригинальное, остававшееся на себѣ ваше вниманіе лицо.

Я рисую вамъ вполнѣ точный портретъ Антоши Чехонте двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Прибавьте къ этой симпатичной наружности не шумную, но очень живую и натуральную веселость Антона Павловича, его постоянное радушіе, гостепріимство и любезность; и вы поймете, что такой хозяинъ только могъ забрать въ полонъ сердца своихъ гостей. Такъ это и было съ нами, его частыми въ тѣ годы посѣтителями.

Чеховъ недавно прибылъ изъ Петербурга и казался весь полонъ новыми ощущеніями, когда я зашелъ его навѣстить (въ 1889 г.).

— Ну, батенька, и городокъ!—сообщилъ Чеховъ, рассказывая о поѣздкѣ.—Прелестъ! Восхитительный городъ. Вы не были въ

Петербургъ? Обязательно съѣдите. Познакомился я съ Суворинымъ...

— Ну, что же, какое ваше впечатлѣніе?

— Впечатлѣніе чего-то крупнаго, совершенно неожиданнаго и хорошаго! Только... представьте, я было совсѣмъ отложилъ свою визитацию въ «Новое Время».

— Это почему?

— Да, видите ли, приѣхалъ я въ Питеръ, захожу предвари- тельно къ брату Александру...

«А, Агафоподъ Единицынъ!» подумалъ я.

— Онъ, знаете, въ «Новомъ Времени» служитъ тамъ, въ редакціи... Онъ меня встрѣчаетъ и говоритъ: «Читаю я твои рассказы... Чортъ знаетъ, что ты пишешь! Вотъ, напримѣръ, «Дѣла»... такъ, ерундистика и прочее... Ничего, говорить, понять нельзя! Это и въ редакціи говорятъ...

Тутъ Чеховъ прервалъ рассказъ, какъ вещь для себя неприятную, но сейчасъ же его лицо прояснилось, и онъ продолжалъ съ новымъ оживленіемъ:

— А какъ пришелъ я въ «Новое Время», смотрю, всѣ такъ на меня и кинулись: «Чеховъ приѣхалъ! Это Чеховъ... Покажитесь, Чеховъ! Ахъ, какой вы молодой...» Пришелъ В. П. Буренинъ и тутъ же расхвалилъ мои рассказы... Потасили меня къ Суворину... Слышу, и тотъ хвалитъ, даже въ восторгѣ, и всѣ въ восторгѣ!

— А какъ же Агафоподъ-то Единицынъ...—началъ было я.

— Н-да, Агафоподъ... Единифодъ... А знаете, батенька, сколько мнѣ Суворинъ за рассказы назначилъ? По двѣнадцати копеекъ за строчку!!! (Цѣна по тѣмъ временамъ, дѣйствительно, рѣдкая)! Чеховъ радовался, какъ ребенокъ.

Относительно «критики» того же Агафопода Единицына я могу сказать, что, вѣроятно, это было простое брюзжанье, а не серьезная критика. Покойный Александръ Павловичъ Чеховъ былъ человекъ нездоровый, наклонный подчасъ сильно выпить. Онъ даже въ письмахъ къ брату Антону всегда какъ-то странно топорщился и несоотвѣтственно своему возрасту кривлялся. Напримѣръ, помню, одно такое письмо читалось вслухъ. Это было гораздо позже, когда Антонъ Павловичъ Чеховъ вернулся изъ своей поѣздки на островъ Сахалинъ, т.-е. уже настоящей литературной знаменитостью, а «Агафоподъ-Единифодъ», впередъ, какъ литераторъ, увя, не пошедшій, прислалъ ему изъ Петербурга такое посланіе (Чеховъ началъ бросить его читать при всѣхъ, потомъ, беззлбно разсѣявшись, бросилъ):

«Мой кругосвѣтный братъ! Говорятъ, ты, объѣздивъ множество земель, вернулся домой, растерявъ по дорогѣ послѣдній умишко!»

Это письмо дочитывалъ, но уже про себя, другой братъ Антона Павловича, Иванъ Чеховъ («протоучитель Іоаннъ Павловичъ Чеховенскій», какъ въ шутку наименовалъ его знаменитый братъ и даже книжку ему подарилъ именно съ такой надписью).

Такой письменный «mauvais goût» Александръ Павловичъ Чеховъ проявлялъ, кажется, постоянно. И главное, письмо его были огромныя и даже талантливо написанныя. Помню, у Чеховыхъ читали еще его письмо о собственной гувернанткѣ, которая была пятидесятилѣтней нѣмецкой дѣвкой съ ушами летучей мыши, очень доброжелательной и всего больше на свѣтѣ любившей картофель. Александръ Павловичъ преуморительно описывалъ эту особу (всѣ хохоталъ):

«Узнавъ, что картофель сильно вздоржалъ, она (нѣмка) пришла въ необыкновенное волненіе, хотя за этотъ продуктъ плачу все-таки я, а не она!» писалъ онъ и неожиданно добавлялъ по адресу младшаго брата (Михайла Павловича Чехова, студента-юриста, тутъ же присутствовавшего на чтеніи): «Мишка, не хочешь ли на ней жениться?!..»

Это было покрыто общимъ хохотомъ.

Чтобы покончить съ покойнымъ Александромъ Павловичемъ Чеховымъ, я долженъ сказать, что это былъ беллетристъ съ большимъ талантомъ, но что-то помѣшало ему развиться. У него былъ напечатанъ въ «Осколкахъ» рассказъ «Тарасикъ» (мальчикъ, сынъ кухарки, проявлявшій любовь къ техническому искусству, дѣлавшій разные колесики и т. п., за что мать постоянно драла его безъ милосердія),—этотъ рассказъ, трогательный и живой, сдѣлалъ бы честь самому Антону Павловичу. Да и много другихъ хорошихъ рассказовъ и статей напечаталъ онъ въ разныхъ изданіяхъ.

Въ тотъ день, когда я навѣщалъ Чехова, въ «Новомъ Времени» появился мой первый рассказъ «Леля», и Чеховъ, вдругъ что-то вспомнивъ, сказалъ мнѣ:

— Только что получилъ письмо отъ Суворина. Тамъ и о васъ есть...

— Да неужели?!

Суворинъ писалъ немного:

«Леля» г. Ежова напечатана. Тема рассказа банальна, но въ немъ есть нѣкоторая грація, это мнѣ понравилось, и я помѣстилъ его въ «Субботникахъ».

— Ну-съ,—сказалъ Чеховъ,—теперь вамъ въ «Новое Время» дорожка проторена! Вы говорили, что у васъ есть еще темы... Не откладывайте ихъ въ дальній ящикъ, пишите, пишите направо и налево... Да, вотъ что еще! Хотите познакомиться съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Суворинымъ? Это вамъ будетъ полезно, онъ теперь состоитъ редакторомъ «Новаго Времени». Онъ будетъ у меня съ женой обѣдать (Чеховъ называлъ донь), вотъ вы и приходите..

И, говоря такъ, Чеховъ весело на меня поглядывалъ. Вообще онъ былъ въ юности всегда веселъ.

Попутно скажу, что впоследствии, читая многочисленныя воспоминанія объ усопшемъ Антонѣ Павловичѣ Чеховѣ, я встрѣчалъ много странныхъ описаній, въ родѣ, напримѣръ, того, что Чеховъ имѣлъ особый какой-то языкъ и говорилъ, будто бы, такъ: «Да конечно жъ», «да онъ же-шь», «да я же-шь» и т. п., точъ-въ-точъ, какъ одна изъ приживалокъ изъ комедіи Островскаго, говорившая: да что ужъ, да ну ужъ, да я ужъ! и т. д.

Ничего подобнаго въ рѣчи Чехова не было. Изъяснялся онъ вполне литературнымъ языкомъ и былъ, когда хотѣлъ, краснорѣчивъ, что твой адвокатъ. Лишь изрѣдка попадались у него «южныя неправильности», въ родѣ: ѳзжайте, разсѣрдился и т. п., но и то онъ постепенно отучился отъ этого, исправилъ всё свои провинциализмы. А изъ описаній «воспоминателей» можно подуматъ, что Чеховъ былъ какой-то Васильковъ изъ «Бѣшеныхъ денегъ», говорившій чуть не по-чувашски.

Точно также никакого не было у Чехова «баска», ни «характернаго», ни обыкновеннаго. У него былъ голосъ слабоватый—и ужъ вовсе не басового оттѣнка. Смѣхъ Чехова, пріятный и задушевный, говорилъ о томъ, что Чеховъ вообще не склоненъ сердиться. Въ немъ было что-то тихое и чистое, и басовые звуки не идутъ къ этому симпатичному образу. Я, по крайней мѣрѣ, ихъ никогда не слыхалъ. Не было ли тогда у Чехова, когда его посѣщали будущіе воспоминатели, бронхита? Это, пожалуй, и создало легенду о «баскѣ».

Въ описываемое мною время А. П. Чеховъ переживалъ весну своего расцвѣта. Разказы его въ «Новомъ Времени» слѣдовали одинъ за другимъ, радуя всѣхъ, и В. П. Буренинъ первый изъ критиковъ замѣтилъ эти разказы и написалъ о нихъ одобрителный фельетонъ,—честь, немногимъ избраннымъ оказываемая.

Когда Антоша Чехонте, уступая мѣсто Антону Чехову, вошелъ въ моду, въ гостиной его стало тѣсно. Насъ, маленькихъ сотрудниковъ, стѣсняло общество артистовъ-премьеровъ, художниковъ и т. п. Особенно часто сталъ бывать у Антона Павловича артистъ Малаго театра А. П. Ленскій и почти всегда что-нибудь читалъ. Надо замѣтить, что читалъ онъ много хуже, чѣмъ игралъ на сценѣ; и когда онъ громко «декламировалъ» какую-нибудь изъ чеховскихъ одноактныхъ пьесокъ, то всѣ сидѣли и внимательно слушали, а супруга Ленскаго вязала, держа въ одной рукѣ коробочку съ антипириномъ; тогда это средство только что вошло въ моду, и имъ многіе злоупотребляли, особенно дамы.

Чтобы обрисовать портретъ «Антоши Чехонте» и проститься съ нимъ (въ слѣдующихъ главахъ будетъ фигурировать только Антонъ Павловичъ Чеховъ, нѣсколько иной человекъ),—я расскажу слѣ-

дующій эпизодъ. Эпизодъ о настоящей улыбкѣ Чехова. Я его бережно храню въ своей памяти.

Однажды, собравшись къ автору только что выпущенной книги «Въ сумеркахъ», я подошелъ къ его квартирѣ. Чеховъ тогда жилъ на Кудринской Садовой, въ домѣ доктора Карнѣева, и окна его кабинета выходили въ палисадникъ и на дворъ. Я заглянулъ въ окошко—и остановился.

Чеховъ сидѣлъ одинъ, за письменнымъ столомъ, и что-то быстро-быстро писалъ. Перо такъ и бѣгало по бумагѣ. Должно быть, онъ сочинялъ что-нибудь новое...

Я долго глядѣлъ на него. Красивые волосы волнами падали ему на лобъ; онъ положилъ перо, задумался, и вдругъ... *улыбнулся*. Это улыбка была особая, безъ обычной доли ироніи, не юмористическая, а нѣжная и мягкая. И я понялъ, что это была улыбка счастья, писательскаго счастья,—беллетристъ, творя, набрелъ на удачный типъ, образъ, фразу, и это доставило ему тѣ радостныя переживанія, которыя только пишущимъ понятны...

Я не захотѣлъ своимъ появленіемъ помѣшать работѣ талантливаго писателя. Я медленно отправился домой и думалъ, идя по улицамъ:

«Чеховъ будетъ большимъ писателемъ! Все за него: и талантъ, и умѣнье подолгу трудиться...»

Я былъ тогда такъ взволнованъ, что даже сейчасъ испытываю легкой трепетъ сердца. О, молодость, время безпѣнное и незабываемое! Спасибо, что есть тебя чѣмъ помянуть...

Я искренно и глубоко любилъ Ан. П. Чехова и гордился дружбой съ нимъ.

III.

Алексѣй Алексѣевичъ Суворинъ.

Наше знакомство съ А. А. Суворинымъ, имѣвшимъ огромное для меня значеніе въ будущемъ, устроилось въ назначенный Чеховымъ день. Я пришелъ нѣсколько позже обѣда и засталъ хозяина съ гостемъ въ кабинетѣ, пьющими чай.

— Вотъ-съ, Алексѣй Алексѣевичъ, вашъ новый сотрудникъ,—отрекомендовалъ меня Чеховъ:—авторъ «Лели», рассказа, который вы, навѣрное, не читали.

— Напротивъ, читалъ, и нахожу, что молодой авторъ недурно о барышняхъ нишетъ,—возразилъ тихо и очень вѣжливо А. А. Суворинъ.—Надо еще написать... и не только о барышняхъ. Не однѣ барышни на свѣтѣ. Не правда ли?

Впечатлѣніе этой встрѣчи было для меня болѣе чѣмъ пріятное. А. А. Суворинъ показался мнѣ очень искреннимъ человѣкомъ, и его корректность положительно очаровала меня.

Суворинъ и Чеховъ возобновили разговоръ.

— Я ее бросилъ читать, совсѣмъ бросилъ!—говорилъ, ероша волосы, Чеховъ (рѣчь шла о журналѣ «Русская Мысль»).—Дѣйствуетъ своей скукой усыпляюще, какъ сонные порошки!

— Да что вы?—улыбнулся А. А. Суворинъ.—Надо будетъ сегодня же купить послѣднюю книжку, а то у меня бессонница...

— Вы знаете, Алексѣй Алексѣевичъ,—продолжалъ Чеховъ:—они меня недавно къ себѣ заманивали работать... почву ощущивали... Но ужъ послѣ отзыва о моей книгѣ—нѣтъ, слуга покорный! И какъ не стыдно этому Лаврову... Строки не дамъ я въ его «честную», но безталанную «Русскую Мысль»

А. А. Суворинъ спокойно замѣтилъ:

— По-моему, Лавровъ—это маленькая, незначительная флюгарка; сегодня такъ, завтра этакъ; согласись вы писать, онъ именно одобрить и напечатаетъ то, что не похвалили у васъ его Викторъ Гольцевъ.

— Можетъ быть. Только я-то туда ничего не дамъ!

— А скажите, Антонъ Павловичъ, правда ли, что профессоръ Гольцевъ, чувствуя, что послѣ отставки онъ совсѣмъ утратитъ популярность, рѣшилъ отправиться въ участокъ и тамъ просилъ, чтобы его «для славы» арестовали денька на три?

Мы засмѣялись. Чеховъ просто покатывался.

— Это петербургская выдумка, но это прелестно!—сказалъ онъ.—И отчасти на Гольцева похоже...

— Нѣтъ, это ваша московская легенда,—возразилъ Суворинъ.—И, будто бы, полицейскій приставъ сказалъ Гольцеву: «Я бы, профессоръ, весьма радъ вамъ услужить, но, въ виду вашей абсолютной невинности, никакъ не могу удовлетворить ваше ходатайство!»

Чеховъ опять расхохотался. Бесѣда эта продолжалась довольно долго. Я все сидѣлъ и жадно слушалъ А. А. Суворина. Меня безудержно «тянуло» къ этому петербургскому журналисту, сыну славнаго писателя и редактору той газеты, куда проникнуть было, пожалуй, желаніе всякаго начинающаго литератора. А мнѣ, какъ выразился Чеховъ, «дорожка туда была проторена»...

Въ тѣ годы «Новое Время», какъ газета, имѣла ошеломляющій успѣхъ и въ Россіи, и за границей. Оно блистало талантами. Статьи А. С. Суворина будоражили русскую жизнь, и голосъ издателя слушали и высокія особы, и все образованное общество. Фельетоны В. П. Буренина производили сильное впечатлѣніе въ литературныхъ кругахъ. Печатали свои хлесткіе памфлеты Житель. Всѣ сотрудники газеты были молоды, энергичны, смѣлы. Этой великолѣпной литературной колесницей правили могучія руки самого А. С. Суворина. Онъ давалъ тонъ всему хору. Изданіе выходило въ свѣтъ въ такой филигранной отдѣлкѣ, какой никогда не отли-

чалось ни одно изъ русскихъ изданій, ни раньше, ни теперь. Уже тогда это дѣло такъ разрослось, что у издателя не хватало силъ, ему нуженъ былъ помощникъ.

Такимъ помощникомъ и соредакторомъ появился именно А. А. Суворинъ. Этотъ молодой человекъ былъ весь въ отца: онъ могъ работать день и ночь, онъ ввелъ порядокъ, точность, аккуратность, а по отношенію къ сотрудникамъ также явился достойнымъ замѣстителемъ отца. Его слово было твердымъ документомъ.

IV.

Первыя письма А. С. Суворина.

Второй дебютъ мой въ «Новомъ Времени» былъ неудаченъ: Суворинъ не принялъ моего разказа (кажется, онъ назывался «Два взгляда»), вернулъ его мнѣ обратно и написалъ длинное, на четырехъ страницахъ, письмо. Я долго не могъ ничего понять въ этихъ іероглифахъ. Почеркъ Суворина—это нѣчто недоступное... для новичка. Если же изучить его, понять «ключъ», то дальнѣйшія письма читались разъ отъ разу легче. Я привожу его письмо въ сокращеніи:

«Этотъ разказъ могъ бы итти, потому что онъ не хуже многихъ, которые появляются въ нашихъ журналахъ и газетахъ, но въ немъ, батюшка, столько психологической путаницы, что даже досадно становится. Отношенія лицъ романа, повѣсти и разказа, запомните это, должны быть ясны автору, а я увѣренъ, что вы сами не дадите себѣ отчета въ нѣкоторыхъ поступкахъ своихъ героевъ. Вы бы прочитали разказъ Чехова, гдѣ докторъ ударилъ фельдшера. Посмотрите, какъ просто и понятно объясняетъ Чеховъ душевное состояніе этихъ лицъ послѣ скандальнаго происшествія. Читатель скажетъ: да, это вѣрно, такъ и бываетъ на дѣлѣ... Но бѣда автору, если читающая публика, остановившись на какомъ-нибудь мѣстѣ, замѣтитъ: что-то странно... бываетъ ли такъ въ жизни? Вотъ и у васъ такой случай: не вѣрится, что такъ бываетъ... Да и любовный эпизодъ... гмъ... Не женщины въ этомъ грѣшны, голубчикъ, а мужчины. Вы—авторъ молодой, талантливый. Берите какіе угодно сюжеты, потому что бояться сюжетовъ—беллетристомъ не быть! Но надо описывать то, что вы сами способны представить себѣ ясно. Повторяю, поглядите, какъ все ясно въ разказахъ Чехова, а у васъ, новѣйшихъ дебютантовъ, темно. Писать вы можете, но надо трудиться. Ищите правды, остальное предложится».

Для начинающаго писателя такое письмо—полная неожиданность.

Я понимал цѣнность цитируемаго письма, долго пасть нимъ подумавъ. А. С. Суворинъ, человекъ, которому не хватало на работу минутъ, будь въ нихъ хотя сорокъ восемь часовъ, вдругъ удосужился и написалъ мнѣ длинное письмо¹⁾!

А такъ онъ и всёмъ дѣлалъ. Слабость другихъ инстинктивно дѣлалась ему понятной, и онъ слѣпшилъ на помощь. Письма Суворина ко множеству людей—это и есть тотъ явный признакъ плодотворной суворинской дѣятельности, направленной на благо ближнихъ. Что такое вся жизнь Суворина? Вся его работа? Великіе и разнообразныя труды?—Исполненіе долга мудреца-гражданина передъ лицомъ общества. Каждый его шагъ—служеніе на пользу людей. Суворинъ не имѣетъ ни одного «пустого» дня. Онъ вѣчно былъ занятъ. Замѣтивъ малѣйшую неправильность, онъ слѣпшилъ васъ научить: «Не такъ! Это надо такъ!» говорилъ онъ. Россія, учрежденіе, редакція или маленький сотрудникъ—для всѣхъ одинаково открывалась рѣчь Суворина, а перо писало свои поучительныя афоризмы. И такъ-то всегда торопился онъ помогать, учить и служить. По завѣту Пушкина, поэтъ долженъ «чувства добрыя лирой пробуждать». Лира Суворина бряцала на прозаическихъ струнахъ, но гимны ея были всегда составлены по этимъ завѣтамъ великаго поэта. Суворинъ не могъ не быть полезнымъ. Какъ свѣча, онъ освѣщалъ всѣ темныя закоулки; какъ пчела, онъ питалъ медомъ всѣхъ, кто достигалъ его улья. Таково было отличительное качество его сердца, души, ума, таланта.

За двадцать лѣтъ непрерывныхъ отношеній я много получилъ отъ А. С. Суворина писемъ, устныхъ совѣтовъ и указаній. Было не разъ, что онъ сердился на меня. Про Суворина ходила слава, что онъ мастеръ на «ругательныя» письма. А я скажу такъ, что даже самое его ругательное изъ ругательныхъ писемъ было не ехидно, потому что оно происходило изъ добраго чувства принести вамъ же пользу. Явное, настойчивое и горячее желаніе жило въ такихъ письмахъ: это добиться вразумленія человекъ, чтобы онъ исправился къ лучшему, и общее дѣло отъ этого выигрывало. Вообще, *безсмысленной брани* отъ Суворина, я утверждаю смѣло, никто не получалъ. Да и не могъ этого сдѣлать А. С. Суворинъ, каждое движеніе котораго знаменовало смыслъ, разумное дѣйствіе. А спокойныя его письма—одно восхищеніе было читать. Я ими всегда упивался.

Начавъ писать фельетоны изъ Москвы (по приглашенію А. А. Суворина, которому понравился мой очеркъ о скачкахъ), я повелъ войну съ московскимъ кредитнымъ обществомъ. Суворинъ не

¹⁾ Я выбрасываю остроумныя фразы А. С. Суворина о любви чисто физической. Онъ цитировалъ «Фауста», «Дворянское Гнѣздо» и рѣшительно былъ противъ реализма въ подобныхъ описаніяхъ нашихъ беллетристовъ.

мѣшалъ этой борьбѣ, но нѣтъ-нѣтъ да и дѣлалъ свои замѣчанія, находя, что я порой *врезаю самъ себѣ*.

«Вы все полемизируете съ кредитными мздоимцами и защищающими ихъ московскими литераторами, тогда какъ вашъ очеркъ о нищихъ куда интереснѣе всего вашего московскаго городского кредитнаго общества, со всѣми его ворами и приплясывающими газетчиками. Въ самомъ дѣлѣ, вы въ лирическихъ описаніяхъ очень сильны, и я вамъ прямо, *для вашей же пользы*, совѣтую чаще выступать въ томъ родѣ творчества, въ которомъ вы сильнѣе. У васъ замѣчается именно стремленіе туда, гдѣ ваше перо гораздо слабѣе. Вы умѣете писать трогательно, задушевно. Стоитъ ли говорить о газетчикахъ, о ***, о воришкахъ, о плутахъ, которыхъ судятъ и, вѣроятно, засудятъ? Я знаю, что вашъ N и глушь, и тупь, но это и до васъ было хорошо выяснено. Москва интересна мѣстными особенностями. Вы городское хозяйство знаете, и нѣсколько статей по хозяйству вполне умѣстны. Но у Москвы есть старообрядцы (это область мало затронутая), есть театр и биржа. О театрѣ вы исправно оповѣщаете. Такъ и нужно, конечно. И хоть я не поклонникъ фельетоновъ съ цифрами и конторскими выкладками, я даже вашу «кредитку» предпочту полемикѣ съ Р—ными. Опишите мнѣ Грачевку, ея переулки, извѣстнаго сорта «дома»... До сихъ поръ этого намъ изъ Москвы еще никто не писалъ, по крайней мѣрѣ не писалъ съ толкомъ. Вообще, ратуйте не противъ журнальныхъ дурачковъ, а противъ безобразій жизни, противъ рутинны, застоя, вреда житейскаго. Все, что писатель пишетъ, должно быть яркимъ протестомъ противъ искаженій нормы человѣческаго существованія...»

Вотъ какъ воспитывалъ всѣхъ насъ, начинающихъ журналистовъ, старикъ-Суворинъ, нашъ лекторъ въ письмахъ и профессоръ въ статьяхъ!

Суворинъ никогда не насилывалъ ничьихъ убѣжденій. Онъ не боялся разницы во взглядахъ, но требовалъ отъ васъ правдивости, искренности. Онъ не терпѣлъ лишь одной фальши, да и трудно было ее скрыть отъ него. Многіе пробовали поддѣлаться къ Суворину, усиленно нападая на какія-нибудь его антипатіи, — Суворинъ сразу понималъ, что человѣкъ кривитъ душой, и тутъ же откровенно высказывалъ ему свои основательныя догадки...

V.

Личное знакомство.

Впервые пріѣхавъ въ редакцію «Новаго Времени» (я тогда еще не писалъ фельетоновъ и корреспонденцій изъ Москвы), я встрѣтилъ Виктора Петровича Буренина.

«Да неужели это графъ Алексисъ Жасминовъ?!» думалъ я, созерцая этого джентльмена-писателя, одѣтаго франтовато, съ мягкими манерами и мягкимъ спокойнымъ голосомъ.

— Вамъ нужно издать книжечку вашихъ рассказовъ,—говорилъ онъ:—я думаю, Суворинъ согласится это устроить. Вы еще не видались съ нимъ?

Я отвѣтилъ, что нѣтъ.

— Идите, сейчасъ же идите, теперь самое удобное время...

Я отправился (редакція и квартира Суворина тогда помѣщались на Малой Итальянской улицѣ, нынѣ улица Жуковского). Кабинетъ Алексѣя Сергѣевича показался мнѣ какой-то гигантской храминой. Изъ-за письменнаго стола поднялся большой и взъерошенный человекъ, онъ потянулся, поглядѣлъ, кто вошелъ, и тотчасъ же зашагалъ ко мнѣ навстрѣчу, говоря:

— Вы изъ Москвы пріѣхали? Вы мило пишете. Привезли еще что-нибудь?

Я сказалъ, что привезъ и отдалъ В. П. Буренину.

— Ну, и отлично. Я теперь беллетристику не читаю. Какъ здоровье Антона Павловича?

Я только собрался отвѣтить, какъ вошелъ лакей и подаль письма, бандероли и сообщилъ, что Алексѣя Сергѣевича просятъ по дѣлу въ редакцію.

— Кто тамъ?

Лакей назвалъ чье-то имя.

— А, хорошо! Я сейчасъ... Вы, голубчикъ, заходите, пишете, очень радъ!—сказалъ Суворинъ, на ходу протягивая мнѣ руку, а другой разсматривая какое-то письмо.

Говорятъ, первое впечатлѣніе бываетъ самое яркое. Въ данномъ случаѣ я этого не скажу. Я почти не разсмотрѣлъ А. С. Суворина. Что-то крупное, волосатое, напоминающее художника Шишкина, что-то озабоченное и, главное, чрезвычайно занятое.

Я засталъ Суворина среди кипучей редакторской дѣятельности. Но ничего суроваго или антипатичнаго не было и тѣни. Я вышелъ отъ Суворина въ довольномъ расположеніи духа, хотя онъ сказалъ мнѣ всего нѣсколько словъ, былъ, какъ будто, небреженъ.

Впослѣдствіи Чеховъ, выслушавъ, какъ я познакомился съ Суворинимъ, сказалъ:

— Что вы, Николай Михайловичъ! Онъ васъ отлично принялъ. Суворинъ не лицемѣренъ. Кому онъ не радъ, тому не скажетъ, что радъ, и ужъ заходить и писать не попросить... Жаль, что вамъ не удалось потолковать объ изданіи книжки! Ну, да я какъ поѣду, скажу на сей счетъ...

Слѣдующее мое свиданіе съ А. С. Суворинимъ состоялось, когда уже моя книга «Облака и другіе рассказы» готовилась къ печати.

Я поѣхалъ къ Суворину въ то время, когда у него гостилъ Чеховъ. Меня къ нему и провели. У Чехова сидѣлъ въ какой-то принужденной позѣ рыжеволосый молодой человѣкъ, отчасти похожій на еврея. Разговоръ его съ Чеховымъ, что называется, не клеился, и Чеховъ, увидя меня, сказалъ:

— А, приѣхали! Это очень хорошо, у меня есть дѣло къ вамъ. Вы не знакомы, господа? Морской беллетристъ г. Чермный (настоящая фамилія—*Черманъ*), а это... (онъ назвалъ мою фамилію).

Мы раскланялись, послѣ чего Чермный скоро ушелъ. Онъ мнѣ показался надутымъ и несообщительнымъ.

— Вы читали его рассказы?—спросилъ Чеховъ.

— Читалъ. По-моему, великолѣпныя вещи. Какъ хорошо море описано, моряки...

— Да, это правда. А не приходитъ вамъ въ голову, что это только хорошій переводъ, а не оригиналъ?

Я затруднился отвѣтить. Въ эту минуту дверь отворилась, быстро вбѣжалъ лѣтъ 10—11 мальчикъ и, вѣжливо мнѣ поклонившись, сказалъ:

— Антонъ Павловичъ, папа хочетъ къ вамъ зайти, можно?

— Можно, Боря, можно! Мы оба ждемъ папу... А что, онъ здоровъ?

— Ему лучше!

Мальчикъ опять вѣжливо и ловко поклонился и вышелъ. Это былъ Борисъ Алексѣевичъ Суворинъ, нынѣшній редакторъ «Вечерняго Времени».

Скоро раздались тяжелые шаги, и показался Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ. На немъ былъ надѣтъ зеленый бархатный халатъ (послѣ мнѣ Чеховъ объяснилъ, что самъ Суворинъ къ одеждѣ—равнодушнѣйшій человѣкъ въ мірѣ; что ему подадутъ, въ то и одѣнется; халатъ зеленаго цвѣта, очевидно, подарили ему родные—онъ равнодушно надѣлъ и зеленый халатъ).

Тутъ я впервые разсмотрѣлъ его лицо, и мнѣ показалось, что онъ похожъ на графа Толстого. Только онъ былъ повыше, погрузиѣе, и брови были какія-то особенныя—дугой, наискось. Взглядъ его былъ спокойный, простой и не вопрошающій, а какъ бы ожидающій. Онъ ласково протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— А мы вашу книгу пускаемъ! Вотъ онъ (Суворинъ кивнулъ на Чехова) беретъ корректуру прочитать.

— Да, да, я посмотрю,—послышался голосъ Чехова.—У меня тутъ Чермный былъ и нѣсколько вашихъ книгъ унесъ... Я вотъ спрашивалъ Николая Михайловича, не напоминаютъ ли ему рассказы Чермнаго переводъ съ англійскаго?

Суворинъ улыбнулся.

— Да, есть что-то... этакое... А если и переведено, то очень недурно!

— Ужасно странный человекъ. Освѣдомлялся, знаю ли я по-англійски! Я сказалъ, что знаю.

Суворинъ опять улыбнулся и спросилъ:

— Читали «Новое Время»? Я сегодня доволенъ отвѣтомъ князю Мещерскому. Благородно ему отвѣтилъ, съ душой....

Этотъ споръ съ княземъ Мещерскимъ изъ-за какой-то статейки въ «Новомъ Времени» обошелся Суворину ровно въ 1,000 рублей. Князь Мещерскій говорилъ, что подобная замѣтка есть въ газетѣ Суворина, а Суворинъ отрицалъ. Сотрудники все переискали и сказали, что князь Мещерскій по обыкновенію лжетъ: такой статьи не было помѣщено.

Тогда Суворинъ предложилъ издателю «Гражданина» пари на 100 рублей, въ пользу благотворительныхъ дѣлъ.

Хитрый Мещерскій сказалъ:

— Что за сумма 100 рублей, не хотите ли 1.000 рублей?

Суворинъ пари принялъ... и проигралъ. Его сотрудники плохо искали въ собственной газетѣ. Алексѣй Сергѣевичъ немедленно внесъ, куда слѣдуетъ, 1,000 рублей и вотъ тутъ-то «съ душой» и отвѣтилъ Мещерскому.

И даже легкой досады не выразилъ А. С. Суворинъ, говоря о своемъ пораженіи! Впрочемъ, развѣ это было пораженіемъ?

VI.

Обѣдъ беллетристовъ.

Въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» въ Петербургѣ была въ тѣ годы особая комната, гдѣ собирались сотрудники, и куда приходили и другіе писатели, не сотрудники Суворинской газеты. Туда водилъ меня дважды А. П. Чеховъ, познакомилъ съ Вас. Ив. Немировичемъ-Данченко, І. І. Ясинскимъ (Максимомъ Вѣлинскимъ) и друг. На одной бесѣдѣ Чехову пришло въ голову:

— Господа, давайте, устроимъ обѣдъ беллетристовъ? Соберемся въ ресторанъ, по подпискѣ, съѣдимъ уху, кулебяку... вина выпьемъ, побесѣдуемъ...

Мысль понравилась. Чеховъ сейчасъ же рѣшилъ произвести «перепись» беллетристовъ, которыхъ слѣдовало пригласить, меня заставили писать, а сами (Чеховъ, Ясинскій и Маминъ-Сибирякъ) стали припоминать и диктовать имена.

Вотъ, кажется, полный списокъ участниковъ этого «перваго обѣда беллетристовъ»:

Д. В. Григоровичъ, С. В. Максимовъ, И. О. Горбуновъ, А. С. Суворинъ, А. П. Чеховъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, В. А. Тихоновъ, П. П. Гнѣдичъ, И. Н. Потапенко, І. І. Ясинскій (Максимъ Вѣлинскій), С. Н. Терпигоревъ (Атава), Н. А. Лейкинъ, Д. Н.

Маминъ-Сибирякъ, К. С. Баранцевичъ, В. Г. Авсеенко, А. Н. Черманъ (Чермный) и я.

Собрались въ «Маломъ Ярославцѣ».

Григоровичъ нѣсколько запоздалъ. Слышу: кричатъ и аплодируютъ!

— Григоровичъ, Григоровичъ! Бра-а-во! Бра-а-во!

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ, элегантно одѣтый старичекъ, пошелъ при общихъ ликованіяхъ. Съ Суворинымъ онъ сейчасъ поцѣловался и спросилъ:

— Кому пришла въ голову хорошая идея созвать беллетристовъ? Кого намъ благодарить за это?

— Чехову, вотъ кому!

— Чехову? Гдѣ онъ? Дайте, я поцѣлую этого умницу!

И Григоровичъ обнялъ Антона Павловича.

Всѣ усѣлись за столъ, а раньше, по обыкновенію, закусывали. Н. А. Лейкинъ, любившій поточить на своихъ сотрудникахъ зубы, увидалъ меня и, схвативъ за руку, подтащилъ къ Атавѣ.

— Сергѣй Николаевичъ, Сергѣй Николаевичъ!—задрезжалъ онъ.—Вотъ это Ежовъ, вы знакомы съ нимъ?

— Знакомъ, знакомъ, — отвѣчала Терпигоревъ, протягивая мнѣ руку.

— Я говорю: хоть бы вы, Сергѣй Николаевичъ, внушили ему... Вообразите, сколько я у него рассказовъ ни читалъ, всегда его герои закусываютъ семгой! Какъ будто нѣтъ другой закуски!

Но скоро Лейкинъ умолкъ. Да и всѣ бросили разговоры «кучками». Всталъ И. Ѡ. Горбуновъ, со своимъ типичнымъ лицомъ, и заговорилъ:

— Позвольте, господа, отъ души привѣтствовать васъ, людей пера, такому же, какъ и всѣ, любителю русской литературы!

Всѣ сейчасъ же зааплодировали. Пользуясь перерывомъ въ рѣчи, Атава вдругъ спросилъ:

— Иванъ Ѡедоровичъ, отчего вы сидя не говорите?

И. Ѡ. Горбуновъ вдругъ слегка «укололся».

— Я знаю, Сергѣй Николаевичъ, что здѣсь я пользуюсь одинаковыми со всѣми правами, значить, могу и сѣсть, но... у меня ужъ такая привычка! Итакъ, господа, привѣтствую всѣхъ! Воскресаютъ старые обычай пишущихъ людей града Петербурга. Въ давно прошедшіе годы литераторы также собирались по «кабачкамъ» и весело проводили время. Припоминаю время поэтовъ Ситцевыхъ, подражателей Барковыхъ (Суворинъ въ это время сказалъ кому-то изъ сосѣдей: «Все это вѣрно, и поэтъ Ситцевый былъ!»). Но о семъ я скажу впослѣдствіи, а пока только о бывшихъ литературныхъ собраніяхъ *константирую* (это неправильное слово вызвало усмѣшку С. Ѡ. Терпигорева) фактъ! Извольте видѣть, вообще, литературныя кружки на Руси были, и тамъ нашему брату, начинающему писать

или артисту, теплою грѣло. Напримѣръ, что за кружокъ существовалъ въ Москвѣ, когда тамъ, бывало, сходились Александръ Николаевичъ Островскій, Провъ Михайловичъ Садовскій, Алексѣй Теофилактовичъ Писемскій и другіе таланты. Я тогда ютился возлѣ, какъ маленькій актерикъ, и потребляли меня въ качествѣ переписчика. Не могу забыть, когда переписывалъ я роли изъ «Своихъ людей», и попалось мнѣ слово «упаточилась». Замаялся я, переспросилъ, а Островскій недовольнымъ тономъ отвѣтилъ: «Упаточилась, упаточилась!—чего тутъ не понять, самое простое русское слово!» Скажу вамъ, что въ этомъ кружкѣ мы ходили попросту: кто въ косовороткѣ, кто въ поддевкѣ, а Островскій и Садовскій носили валенки и полушубки. И вотъ-съ, посѣтилъ насъ допотоптеннѣйшій и доброславнѣйшій Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ, на кого мы всѣ сейчасъ имѣемъ великое счастье устремлять взоры свои (всѣ, дѣйствительно, поглядѣли на Григоровича и опять захлопали въ ладоши). Вотъ-съ, приходитъ Дмитрій Васильевичъ, — продолжалъ Горбуновъ, — и видимъ мы, что это человѣкъ не отъ міра сего. И парочка на немъ дорогая и пестренькая, и галстучекъ восхитительный, съ драгоценной булавкой, и ножку онъ, сидя, подвернулъ, анъ чулочекъ у него алаго цвѣта, чего мы и во снѣ не видывали. И пахло отъ него не по-нашему. Сразу человѣкъ-европеецъ оказывался. Говорить, да нѣтъ-нѣтъ во французскій діалектъ ударится. И не разъ Дмитрій Васильевичъ къ намъ жаловали, и всякій разъ въ немъ перемѣна въ облаченіи нами примѣчалась. То былъ въ пестренькомъ, а теперь въ сѣренькомъ съ искрою, и чулокъ голубенькій, а туфля лаковая. Не мало мы тому дивились и въ споръ вступали, во что все это симпатичному писателю обходится?

Д. В. Григоровичъ сидѣлъ, слушая и свѣсивъ все еще красивую голову на бокъ, и улыбался. Увы, онъ ужъ далеко не былъ похожъ на свой «популярный» портретъ, гдѣ онъ изображался кудрявымъ бакенбардистомъ, такимъ лихимъ молодцомъ-кудрявичемъ; теперь эти кудри и баки исчезли, на мѣстѣ послѣднихъ была сѣдая и жиденькая борода, лицо похудѣло, покрылось старческими морщинами, глаза потускнѣли. И говорилъ онъ, какъ старикъ, надтреснутымъ голосомъ.

Тѣмъ временемъ, Горбуновъ продолжалъ — и всѣ снова явили общее единодушное вниманіе:

— Вотъ какъ-то разъ сидимъ мы въ своей компаніи, болтаемъ свое о театрѣ, о пьесахъ, и всѣ, какъ всегда, одѣты попросту. Вдругъ отворяется дверь — Мать Пресвятая Богородица! — мы такъ и ахнули! Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, собственной своей персоною!!! Всѣ мы обомлѣли. Глаза на него уставили. Ну, онъ ничего, со всѣми ласково обошелся, а потомъ сѣлъ — и за Садовскаго, Прова Михайловича, взялся. Основательно онъ за него взялся. Вы, говорить, талантъ, въ васъ искра Божія! Да знаете ли, говорить, что

это налагаетъ, чему обязываетъ!? — И пошелъ, и пошелъ... Вы, говорить, слуга искусства, жрецъ алтаря... вѣдь, это храмъ... свѣтильники курятся... Постигаете ли вы это, понимаете ли? Садовскій заговорилъ было... Пойдите, говорить, вникните! Вы неподобно играете, но ясенъ ли вамъ тотъ Богъ, которому вы поклоняетесь!? То есть, такъ онъ пробралъ его, что того даже въ потъ ударило... Всталъ Тургеневъ, посмотрѣлъ на всѣхъ ласково, руки всѣмъ пожалъ, Прова Михайловича поцѣловалъ и ушелъ. Сидимъ мы, молчимъ, муху слышно, если пролетитъ. Отдулся Провъ Михайловичъ, крякнулъ и сказалъ: «Дворянинъ... (крѣпкое слово)!»

Надо было слышать, какъ все это рассказываетъ И. О. Горбуновъ, чтобы понять весь юморъ разсказа, великое его искусство дѣлать значительными, казалось бы, простыя, даже незначительныя и не смѣшныя вещи! Это описаніе Григоровича, Тургенева, Островскаго и Садовскаго, и также крѣпкое слово послѣдняго, сказанное въ смыслѣ удивленія, почтенія и восхищенія передъ Тургеневымъ, все это, повторяю, такъ было разсказано, что общій искренній хохоть и сердечные аплодисменты были наградою талантливому разсказчику.

А. С. Суворинъ смѣялся также отъ души и добродушно кому-то объяснялъ:

— Все это правда, Горбуновъ никогда не присочиняетъ отъ себя!

Я слышалъ Горбунова впервые. Такого разсказчика, я думаю, русской сценѣ не нажить. Иванъ Федоровичъ самъ является великимъ самородкомъ: онъ первоклассный русскій писатель, его народныя сцены—это перлы русской литературы, но Господь Богъ щедро расточилъ ему свои дары: онъ сдѣлалъ его и неподражаемымъ разсказчикомъ... Въ этотъ вечеръ я видѣлъ этотъ даръ во всемъ его блескѣ и роскоши. Горбуновъ былъ въ ударѣ, да и аудиторія была рѣдкостная: самъ Григоровичъ присутствовалъ! Чеховъ раза два подмигнулъ мнѣ и спросилъ:

— Ну, что, хорошо!?

— Хорошо, Антонъ Павловичъ!

— Погодите, подопьютъ—что дальше будетъ!

Дальше... продолжалось царство Горбунова. Онъ разсказывалъ анекдоты, изображалъ «модныхъ актрисъ», читалъ стихи (довольно неприличныя, но очень смѣшныя) поэта Ситцеваго. Затѣмъ вышли за здоровье Дмитрія Васильевича Григоровича, за Максимова, за Суворина и за всѣхъ писателей и представителей русской литературы. Перешли на анекдоты. Всталъ Д. В. Григоровичъ (старикъ былъ очень доволенъ вечеромъ и общимъ къ себѣ вниманіемъ). Онъ сказалъ, приблизительно, слѣдующее:

— Много разсказчиковъ на святой Руси, и всѣ они разсказываютъ, пожалуй, недурно. Но передъ И. О. Горбуновымъ все

уничтожается. Въ одной извѣстной сценѣ толстая купчиха, высываясь изъ окна, говоритъ нищимъ, которыхъ она приготовилась одѣлять: «Эй, вы, которые... подходите!» Такъ вотъ и И. О. Горбуновъ именно также можетъ обратиться къ толпѣ рассказчиковъ и сказать имъ отъ себя: «Вы, которые, подходите!»

Это довольно ироническое начало Д. В. Григоровичъ пригналъ къ тому, что, невзирая на присутствіе такого удивительнаго артиста-рассказчика, онъ самъ, Григоровичъ, никогда не рассказывавшій, дерзаетъ среди милыхъ собратій сейчасъ рассказать «анекдотецъ»...

Аплодисменты были ему отвѣтомъ.

И Григоровичъ рассказалъ фривольный анекдотъ про старика и старуху, причемъ, самъ шамкая, старался шамкать нарочно, и поэтому двѣ трети анекдота разобрать было затруднительно. Все кончилось смѣхомъ, рукоплесканіями. Всѣ, наконецъ, поднялись и стали собирать подписныя деньги (по 4 рубля 50 копеекъ, если не ошибаюсь). Казначеемъ былъ А. П. Чеховъ. На прощанье рѣшили собираться на беллетристическія обѣды ежемѣсячно... Однако для меня это былъ первый и послѣдній беллетристическій вечеръ. На другіе обѣды мнѣ попасть не удалось, да, кажется, и Чехову также.

На этомъ первомъ обѣдѣ я слышалъ, какъ А. С. Суворинъ говорилъ со своими сосѣдами:

— Это хорошо, что теперь устанавливается дружба среди пишущихъ. Не все же драться и махать картонными мечами! Пусть такіе же обѣды устраиваютъ драматурги, журналисты... все же это лучше игранья въ карты по клубамъ, право, лучше!

Я очень хорошо разглядѣлъ тогда Суворина. Какая мощь чувствовалась въ немъ! Большой, плечистый, съ суровымъ лицомъ, которое было какъ-то внутренне освѣщено серьезной мыслью, оно было положительно прекрасно; это былъ образецъ журнальнаго борца, сознающаго святость задачи своего дѣла и безстрашно идущаго къ намѣченной дѣли.

VII.

Наѣзды А. С. Суворина въ Москву.

Я думаю, что А. С. Суворинъ не любилъ Москвы. По крайней мѣрѣ, ходя вмѣстѣ со мной или ѣздя по Москвѣ, онъ всегда былъ недоволенъ городомъ.

— Ну, послушайте, голубчикъ, — говорилъ онъ, глядя на кучи мусора, неровную мостовую, стаи собакъ и т. п. — Вѣдь, это что же такое! Константинополь! Что у васъ полиція дѣлаетъ? То-то, читаешь ваши корреспонденціи, сразу видишь, что человекъ ругаться хочетъ. Теперь понимаю, что ругаться слѣдуетъ.

Но онъ любилъ Москву въ «кускахъ». Кремль, виды Москвы, театры, магазины—это нравилось Алексѣю Сергѣевичу. Часто бывалъ онъ въ Третьяковской галереѣ, хотя сердился, что «далеко».

— Что за городъ! Лучшій музей гдѣ-то подъ Таганкой, лучшій ресторанъ—возлѣ Грачевки... Кстати, Грачевка вамъ отлично удалась. Описывайте почаще эту голытьбу. Вашъ фелетонъ и Лелѣ (А. А. Суворину) понравился. Вы умѣете описывать людей. Теперь вамъ бы описать биржу...

Пушкинскій праздникъ былъ отравленъ А. С. Суворину. Раньше онъ самъ писалъ мнѣ, что пріѣдетъ на всероссійское торжество, но передъ этимъ были студенческіе беспорядки, и Суворинъ написалъ свое знаменитое «Маленькое письмо», въ которомъ сказалъ, въ сущности, вовсе не страшную фразу:

«Студенты, не желающіе учиться, могутъ уходить изъ университета. На ихъ мѣсто кандидатовъ сколько угодно».

Однако же враги «Новаго Времени» постарались изъ мухи сдѣлать слона. Они стали печатать инсинуаціи на автора «Маленькаго письма», начались «письма въ редакцію» изъ публики, какіе-то инженеры «отказались отъ подписки» на «Новое Время», словомъ, началась травля Суворина. И хотя онъ былъ боецъ обстрѣлянный, все-таки подобная несправедливость его взволновала и уколола больно его самолюбіе. Правда, онъ пріѣхалъ въ Москву какъ разъ наканунѣ Пушкинскихъ дней, я его и А. П. Чехова увидалъ въ магазинѣ «Новаго Времени», но въ тотъ же вечеръ онъ направлялся къ себѣ въ имѣніе.

Узнавъ, что я, по распоряженію А. А. Суворина, заказалъ въ нокъ и буду въ числѣ прочихъ депутацій возлагать вѣнокъ отъ «Новаго Времени», Суворинъ сказалъ недовольнымъ голосомъ:

— Ну, къ чему все это? Что можно придать великому Пушкину какими-то вѣнками и депутаціями?

Замѣчательно, что о Пушкинскомъ чествованіи буквально ту же мысль выразилъ Л. Н. Толстой. Я пріѣхалъ къ великому писателю узнать, правда ли то, что про него рассказала одна газета.

Л. Н. Толстой (я съ нимъ уже былъ знакомъ) встрѣтилъ меня очень любезно и сказалъ:

— Прочитайте, пожалуйста, что тамъ такое написано!—и добавилъ съ неподражаемымъ юморомъ:—Интересно послушать, что я-то сказалъ писателю!

Въ газетѣ говорилось, что Толстой былъ противъ всякихъ чествованій:

«Собравшіеся должны отслужить панихиду и разойтись по домамъ!»

Л. Н. Толстой, выслушавъ, вскочилъ и забѣгалъ по кабинету.

— Это, они пишутъ, я сказалъ?

— Да, вотъ, поглядите....

— Ну, послушайте, что же это такое!? Въдь, я еще не умеръ! Я еще живу! Видите ли, теперь у меня къ вамъ просьба. Когда-то мы съ вами кое-о-чемъ поговорили, а я просилъ васъ ничего не печатать. Вы исполнили это?

— По вашей просьбѣ—ни одного слова не опубликовано,—отвѣчалъ я.

— А сейчасъ я, напротивъ, прошу васъ опубликовать! Опубликуйте, во-первыхъ, что это вздоръ, то-есть что я не могъ рекомендовать служить панихиды и расходиться домой. Я говорилъ и еще разъ скажу, что Пушкинъ, въ сущности, настолько великъ и блестящъ, что никакія чествованія не прибавятъ ему ни величія, ни блеска. Поэтому можно чествовать Пушкина, но можно и не чествовать. Хорошо бы соединить съ этими праздниками какое-нибудь доброе дѣло. Если же литераторы и разныя общества рѣшили непременно праздновать Пушкинскіе дни, то отчего же не праздновать? Вотъ единственное мое мнѣніе, такъ вы и напишите.

Однажды А. С. Суворинъ пріѣхалъ въ Москву и взялъ ложу въ Новый театръ, гдѣ въ тотъ вечеръ «молодые артисты и артистки» труппы Малаго театра играли въ пьесѣ Сарду «Термидоръ». Режиссеры А. П. Ленскій и А. М. Кондратьевъ очень просили издателя «Новаго Времени» посѣтить именно первое представленіе.

А. С. Суворинъ вызвалъ къ себѣ Чехова и попросилъ его извѣстить и меня, говоря, что вмѣстѣ смотрѣть «Термидоръ» будетъ интереснѣе.

Такъ мы втроемъ въ ложѣ бельэтажа и возсѣдали. Суворинъ до зрѣлища былъ веселъ, разговорчивъ и все обѣщалъ хорошей результатъ спектакля.

— Ленскій мнѣ прямо ручается за успѣхъ! И пьеса эффектная и играютъ, говорить, хорошо. Пьесу-то я знаю, а вотъ какъ играютъ—посмотримъ...

Игра началась. Смотрю, лицо Суворина вытягивается, глаза начинаютъ поблескивать. Наконецъ, онъ не выдерживаетъ и шепчетъ:

— Господа, это чортъ знаетъ, что такое! Антонъ Павловичъ, вы что скажете...

— Да что-то не тово...

— Это хуже, чѣмъ не тово! Это и поставлено омерзительно, и игра самая заволжская... Крикъ, шумъ, нескладная суетня! Что за вздоръ—вотъ хоть эта сцена... Какъ фамилія этой актрисы?

Я шепотомъ называю.

— Откуда они ихъ набрали?

— Это молодежь... ихъ много, этихъ молодыхъ...

— Да что, Малый-то театръ—воспитательный домъ, что ли? Молодежь! Это мнѣ нравится!

Кончилось одно или два дѣйствія, ужъ не помню. Двери ложи

отверзлись, и А. М. Кондратьевъ влѣзъ своей грузной фигурой: за нимъ виднѣлся вице-мундиръ какого-то чиновника театра.

— Ну, какъ, Алексѣй Сергѣевичъ?—освѣдомился Кондратьевъ. Суворинъ такъ на него и вскинулся.

— Послушайте, голубчикъ, да это что же? Позвольте, развѣ это представленье? Развѣ это постановка? Вѣдь, это ужасъ! Зачѣмъ у васъ такая сумятица? Это что—толкучка московская, что ли? Кто у васъ ставилъ «Термидоръ»?

— Ленскій, Александръ Павловичъ,—испуганно отвѣчалъ Кондратьевъ.

— Какъ ему не стыдно! Вы такъ ему и передайте, что стыдно! Или вотъ, на примѣръ, сейчасъ, въ сценѣ...

Они вышли изъ ложи. Чеховъ смѣялся потихоньку и говорилъ мнѣ:

— Смотрите, смотрите, какъ Суворинъ увлекается! Точно юноша! А какъ кричить-то... ужасъ! Вотъ за что его всегда полюбить можно...

Мы брели сзади, а Суворинъ продолжалъ распекать и Кондратьева, и чиновника. Тѣ ужъ не знали, какъ отъ него отбиться. Наконецъ Суворинъ увидалъ С. В. Васильева (Флерова), известнаго и очень талантливаго театральнаго критика «Московскихъ Вѣдомостей».

— А! Вотъ кого мнѣ надо... Какъ, бишь, зовутъ его?

Мы замаялись, но Суворинъ не сталъ дожидаться и ринулся на Васильева.

— Ну, что, батюшка! Вѣдь, это что же, а?

Онъ ухватилъ его за руку и потащилъ съ собой, говоря цѣлые монологи о пьесѣ и объ игрѣ артистовъ.

Васильевъ—важный старикъ небольшого роста—шелъ и солидно кивалъ своей красивой головой съ сѣдыми кудрями. А Суворинъ, большой, сторбленный, съ лохматыми волосами и бородой, шелъ, махалъ руками и кричалъ на все фойе; обращая на себя вниманіе публики.

— Какъ увлекается, Боже, какъ онъ увлекается!—твердилъ Чеховъ.

Да, такъ любить театръ и увлекаться имъ могъ только А. С. Суворинъ. Я не забуду никогда нашей бесѣды о московскомъ Художественномъ театрѣ. Скажу кстати, что до открытія этого театра я ожидалъ совершенно иного. Мнѣ казалось, что гг. Вл. Ив. Немировичъ-Данченко и К. С. Станиславскій явятся добросовѣстными режиссерами, любовно и тщательно ставящими хорошія пьесы. Первое представленье «Царя Θεодора Иоанновича» положительно разочаровало меня. Я увидалъ море мишуры и мало таланта въ исполненіи. Кромѣ того, къ пьесѣ сдѣланы были «режиссерскія дополненія»—новинка тогдашняго времени, и я, удивленный, не сталъ даже пи-

сать отчета о первомъ спектаклѣ, далъ только небольшую замѣтку, а самому Суворину написалъ большое частное письмо, говоря, что я новыхъ приѣмовъ новаго московскаго театра не понимаю. По-моему, это только странность, дающая просторъ для режиссерскаго произвола, и если подобная мода установится, то, пожалуй, все искусство сценическихъ изображеній будетъ областью одного режиссера. Во что же обратятся актеры? Въ куклы, въ маріонетки? И что будетъ, если режиссеръ окажется глупъ?

Не знаю, попало ли въ руки А. С. Суворина это письмо. Какъ будто нѣтъ. Однакожъ, когда Суворинъ самъ полюбовался на спектакли Художественнаго театра, онъ написалъ свою знаменитую статью «о скворцахъ въ искусствѣ».

Въ Художественномъ театрѣ поставили «Доктора Штокмана». Роль ибсеновскаго героя очень хорошо игралъ К. С. Станиславскій, и я расхвалилъ его въ рецензій. Спустя довольно долгое время, пріѣзжаетъ въ Москву А. С. Суворинъ, и изъ «Славянскаго Базара» мнѣ передали, что Алексѣй Сергѣевичъ ждетъ меня къ себѣ въ восемь часовъ вечера.

Я пріѣхалъ,—у Суворина на столѣ стоялъ красивый самоваръ, и знаменитый театралъ попивалъ чаекъ. Тутъ же стояла корзинка съ яблоками «Наполеонъ» (я случайно узналъ, что это, кажется, были любимыя яблоки Алексѣя Сергѣевича).

Я поклонился.

— Здравствуйте, здравствуйте! Что это вы, голубчикъ, пишете о Художественномъ театрѣ? Ахъ да охъ! И хорошо, и талантливо, и то, и се... Я говорю о «Докторѣ Штокманѣ». Ужъ какъ расписали!

— А развѣ не хорошо?—спросилъ я.—Согласитесь, что Станиславскій очень недурень...

— Я не говорю, что онъ плохъ. Хорошъ. И это хорошо, что вы ихъ похвалили. За «Доктора Штокмана», пожалуй, можно. А только особеннаго ничего нѣтъ. Народное засѣданіе, гдѣ дѣйствуетъ это самое «никогда не могущее быть правымъ» большинство,—даже очень деревянно и вымученно. Сразу видно, что актеровъ натаскали, а все-таки вышло плохо... Самъ Штокманъ... Не знаю, право, а по моему Станиславскій не такъ играетъ. Я бы не такъ игралъ... Вы помните сцену, какъ онъ изъ-подъ мебели камни достаетъ? Онъ вотъ что дѣлаетъ, этотъ длинный Станиславскій...

Суворинъ вдругъ живо вскочилъ со стула и, внезапно принявъ позу Станиславскаго (и это было такъ похоже!), полѣзъ подъ диванъ и голосомъ того же Станиславскаго закричалъ:

«Катерина, Катерина! Смотри, я еще нашелъ камень... вотъ, гляди, Катерина!»

Суворинъ поднялся и продолжалъ:

— Зачѣмъ это онъ все моргаетъ, все моргаетъ, какъ обезьяна? Все это у него «сдѣлано», для эффекта, а не отъ души! И голосъ не

потрясенный, а равнодушный... Развѣ это возможно? Ну, скажите, развѣ можно въ эту минуту говорить равнодушно? Съ толпой онъ держится лучше, но... и тамъ фальшь въ голосѣ! Нѣтъ, не говорите! Если придирается, то и въ «Штокманъ» Станиславскій надѣлалъ грѣховъ и промаховъ... И какъ онъ ходитъ странно... (Суворинъ прошелъ, опять дѣлаясь очень похожимъ на Станиславскаго).. Вообще, они фокусники, великіе люди на малыя дѣла, у нихъ душа-то на второмъ планѣ, а прежде всего видѣется форма. Вы видѣли у насъ «Царя Θεодора Іоанновича»?

— Видѣлъ, — отвѣчалъ я.

Суворинъ продолжалъ горячо:

— Орленевъ двумя головами выше вашего Москвина, а у васъ его ужъ какъ хвалили! Москвинъ даже не понимаетъ, кого играетъ. У насъ трагедія поставлена проще, а у нихъ напичкано множество сусального золота. Развѣ это нужно? А что я, голубчикъ, вчера увидаль у Корша, такъ это... это...

И Суворинъ съ тѣмъ же увлеченіемъ сталъ говорить о какой-то пьескѣ, данной въ театрѣ «Корша» (Суворинъ тутъ же остроумно разобралъ и пьеску, и исполнителей). Въ заключеніе онъ добавилъ:

— А, вѣдь, нельзя сказать, чтобы актеры были плохи! Нѣтъ, труппа у него подобрана изрядная, только онъ на пустяки тратитъ силы артистовъ!

Да, Суворинъ глубоко, искренно любилъ театръ. Газету и театръ онъ любилъ больше всего на свѣтѣ. И о нихъ онъ всегда говорилъ — пылко, увлекательно.

VIII.

Юбилей В. П. Буренина.

Этотъ праздникъ сотрудниковъ «Новаго Времени» состоялся 20-го декабря 1896 года. Рѣшительно не помню, гдѣ происходило чествованіе Виктора Петровича, и пировали какъ сотрудники, такъ и гости, но знаю, что на этомъ вечерѣ выступалъ застольнымъ ораторомъ А. С. Суворинъ.

В. П. Буренина, вообще, привѣтствовали рѣчами многіе. Эффектную юбилейную рѣчь сказалъ С. С. Татищевъ, говоря, что въ древнемъ Римѣ побѣдителя Цезаря привѣтствовали кликами:

— Цезарь—Викторъ (побѣдитель)!

А теперь всѣ почитатели юбиляра, собравшись здѣсь, привѣтствуютъ его такими же кликами:

— Буренинъ—Викторъ!

Это всѣмъ ужасно понравилось, и искусному оратору очень аплодировали.

Выступали и дамы: артистка Л. Б. Яворская, беллетристка Н. А. Лухманова. Первая сказала коротко, но умно и ловко, а вто-

рая, по совѣсти сказать, наговорила столько лести, что слушатели опустили глаза и потихоньку смѣялись надъ ораторшей. Говорила что-то извѣстная тогда г-жа Шабельская (рѣчи ея не помню, но знаю, что эта дама ослѣпляла массой брильянтовъ). Поэтъ В. С. Лихачевъ (сѣдой господинъ съ безпокойными глазами) сказалъ хорошенкѣй экспромтъ:

«Вамъ ваши пятницы¹⁾, быть можетъ, надобли,
А мы бы календарь имѣть хотѣли,
Гдѣ бы семь пятницъ было на недѣль!»

Сказалъ тостъ отъ имени «литературныхъ младенцевъ» С. Н. Сыромятниковъ (Сигма), въ тѣ годы красивый и франтоватый молодой человекъ, сказалъ весело, безобидно и также имѣлъ успѣхъ.

Ораторовъ, вообще, было черезчуръ много.

Вдругъ поднялся А. С. Суворинъ. Едва онъ всталъ—дружные аплодисменты встрѣтили главу «Новаго Времени».

Какъ только Суворинъ заговорилъ, я сразу почувствовалъ, что могучій публицистъ сейчасъ сконфуженъ, какъ ребенокъ. И, дѣйствительно, голосъ его дрожалъ, а лицо имѣло самое потерянное выраженіе.

— Господа, извините, я говорю, но... я не готовился!—началъ ораторъ при одобрительномъ смѣхѣ и улыбкахъ.—Меня предупредили: вамъ придется что-нибудь сказать, приготовьтесь! А я все-таки не готовился... Я, знаете, не ораторъ... И не понимаю, какъ это у иныхъ такъ льется... Ну-съ, такъ вотъ, я вамъ хочу сказать нѣсколько словъ о Викторѣ Петровичѣ Буренинѣ. Это я съ особымъ удовольствіемъ скажу. Мнѣ хочется внести своей рѣчью нѣкоторую поправку... потому что существуетъ ошибка... и ее надо исправить... Видите ли, про Виктора Петровича все говорятъ, что онъ убійца! То есть, я не про тѣхъ убійцъ говорю, которые выходятъ съ ножомъ на большую дорогу (общій хохотъ), нѣтъ... Рѣчь моя идетъ о литературныхъ убійствахъ... Будто бы, Буренинъ много совершилъ этакихъ убійствъ! У читателя, чего добраго, о Викторѣ Петровичѣ сложится странное понятіе, что В. П. Буренинъ—злой человекъ! Это вотъ, господа, и есть большая ошибка. В. П. Буренинъ, напротивъ, очень добрый человекъ, я это отлично знаю. Если бы его скромность не требовала извѣстной тайны... знаете, какъ говорится, пусть шуйца не знаетъ, что творить десница... если бы самъ В. П. Буренинъ не былъ противъ, я бы вамъ могъ разсказать множество примѣровъ, какъ мягко, добро и снисходителенъ къ людямъ В. П. Буренинъ... Вотъ все, господа, что я хотѣлъ

¹⁾ Какъ извѣстно, критическіе фельетоны В. П. Буренина печатались всегда по пятницамъ, Н. Е.

сказать... И я хочу вынѣть за здоровье моего друга В. П. Буренина, какъ за добрѣйшей души человѣка!

Послѣ этого «тоста» подняли «на ура» и юбиляра, и Суворина. Всѣ аплодировали. Всѣ смѣялись. Суворинъ былъ, видимо, въ восторгѣ, что исполнилъ свою трудную задачу—произнесъ-таки цѣлую рѣчь. И онъ, обращаясь къ окружающимъ его, говорилъ:

— Какъ я радъ сегодняшнему вечеру! Я увидалъ, что сотрудники «Новаго Времени» умѣютъ и пошутить, и отъ души повеселиться. Очень я доволенъ, очень...

Тутъ стали всѣ приставать къ В. П. Буренину:

— Рѣчь! Рѣчь! Пусть юбиляръ скажетъ!

В. П. Буренинъ, сидѣвшій со своими взрослыми дочерьми (одна была замужняя), почему-то долго отнѣкивался.

— Викторъ Петровичъ, васъ дамы просятъ!

— Викторъ Петровичъ, умоляемъ!

Юбиляръ всталъ. Все умолкло.

— Полагается,—сказалъ тихо Викторъ Петровичъ.—что юбиляръ въ день своего юбилея долженъ быть непременно тронуть...

Эта фраза вызвала смѣхъ и аплодисменты.

— Ну, а что же занимательнаго и интереснаго можетъ сказать «тронутый» человѣкъ!?

Этимъ каламбуромъ юбиляръ и ограничился. Его шутка подбавила веселья, и затѣмъ надвинулись, какъ густой ДонзINANскій лѣсъ, новые и новые ораторы...

Юбилей кончился подъ утро.

IX.

Примѣры доброты А. С. Суворина.

Я думаю, что если биографы Суворина захотятъ тщательно переписать всѣ случаи проявленія доброты издателя «Новаго Времени», то очень большую книгу придется имъ тогда печатать. Я начну говорить сначала о самомъ себѣ, потому что добро, сдѣланное мнѣ Алексѣемъ Сергѣевичемъ, для меня всего ближе и ощутительнѣе.

Не говорю объ авансахъ, этой хронической болѣзни почти всѣхъ писателей. Деньги у Суворина роли никогда не играли, и если онъ давалъ ихъ, то слѣдовало цѣнить его расположеніе, а не деньги.

Однажды, присутствуя на одномъ изъ «Касьяновъ» (29-го февраля—день выхода 1-го № «Новаго Времени» подъ редакторствомъ А. С. Суворина; эти дни, обыкновенно, праздновались очень шумно и весело), я былъ разсмотрѣнъ въ толпѣ хозяиномъ и уведенъ въ другую комнату для бесѣды наединѣ.

— Я что вамъ хотѣлъ сказать,—началь Суворинъ:—вы развиваетесь и улучшаетесь, у васъ фелъетоны удаются все лучше и лучше! Я очень радъ это сказать вамъ.

Признаюсь, я никакъ не ожидалъ подобныхъ словъ. Не такъ давно получались письма отъ того же Суворина съ нѣкоторыми распеканіями по моему адресу. Суворинъ продолжалъ:

— Вы отлично описали духоборовъ. Какъ вы ухитрились обратиться къ нимъ, если даже англійскаго корреспондента арестовали? Очень мнѣ про духоборовъ понравилось... И насчетъ ртути, насчетъ золотыхъ копеекъ все это удачно. Путешествія вамъ полезны, я надѣялся, что именно такъ они на васъ и повліяютъ. Знаете что? Въ будущемъ году выставка въ Парижѣ... Сначала вы отправляйтесь въ Берлинъ и опишите намъ его. Вамъ полезно заглянуть въ Европу. А Берлинъ—мудрый хозяинъ, есть чему поучиться городскимъ дѣятелямъ вашей Москвы. Покончивъ дѣла въ Берлинѣ, поѣзжайте въ Парижъ, на выставку, это ужъ не для писемъ въ газету, а для собственнаго удовольствія. Впрочемъ, встрѣтится что-нибудь интересное—пишите и изъ Парижа... И вотъ еще что... (Суворинъ понизилъ голосъ). Безъ Лели это нельзя устроить... Вы скажите Алексѣю Алексѣвичу, что послать васъ въ Берлинъ и Парижъ—мое большое желаніе, я очень этого хочу... Повторяю, вамъ эта прогулка доставитъ не только удовольствіе, но и горизонты откроетъ. Радъ буду вашему путешествію!

Скажите, читатель, случалось ли вамъ видѣть въ редакторѣ газеты такое чисто отеческое отношеніе къ своимъ сотрудникамъ? Считая себя человѣкомъ очень маленькимъ въ «Новомъ Времени», я никогда и не рассчитывалъ на такое особое вниманіе. Но А. С. Суворинъ зналъ мои труды, старанія, добросовѣстность. Онъ вѣрилъ мнѣ, въ мою честь журналиста, онъ зналъ, что я ни разу не уронилъ и не уроню достоинства газеты, въ которой работаю. И онъ, прозорливо наблюдая за всѣми сотрудниками, вѣроятно, каждого умѣлъ сдѣлать такъ же, какъ и меня, счастливымъ. Помимо желанія доставить радость, А. С. Суворинъ заботился о нашей пользѣ. Это всегда и во всемъ. Не будучи добрымъ разгильдяйски и неосмотрительно, Суворинъ былъ добръ разумно и расчетливо. И если траты его несли пользу, онъ не жалѣлъ никакихъ денегъ. Вотъ чѣмъ высока и цѣнна доброта А. С. Суворина.

Не могу не упомянуть, что когда я чистосердечно рассказалъ А. А. Суворину о своей бесѣдѣ съ его отцомъ, и онъ также посмотрѣлъ на дѣло. Надо сказать, что я намѣтилъ лѣтомъ поѣхать въ Сибирь. Теперь указаніе А. С. Суворина мѣняло дѣло, и Алексѣй Алексѣвичъ, улыбнувшись, сказалъ мнѣ:

— Насчетъ Сибири погодите. Вотъ напишете что-нибудь такое вольное, тогда васъ на казенный счетъ туда отправятъ. А пока

приготовляйтесь ѣхать въ Берлинъ, потомъ въ Парижъ. Загляните и въ Вѣну.

И А. А. Суворинъ снабдилъ меня адресами нашихъ заграничныхъ корреспондентовъ, разными совѣтами, указаніями и деньгами на поѣздку.

Доброта А. С. Суворина выражалась неоднократно, и я являлся также и исполнителемъ ея. Какъ разъ передъ Пушкинскимъ праздникомъ отыскалась въ Москвѣ современница Пушкина, Вѣра Александровна Нащокина. Мнѣ о ней разсказалъ тогдашній ректоръ университета профессоръ Д. Н. Зерновъ, я написалъ Суворину, и тотъ сейчасъ же выслалъ 100 рублей для этой рѣдкостной старушки.

В. А. Нащокина жила въ селѣ Всѣхсвятскомъ, подъ Москвой, вмѣстѣ съ своимъ неудачникомъ-сыномъ, который мнѣ даже не показался. Нащокина была живая, хотя и очень дряхлая женщина, маленькая, худая, съ глазами, все еще говорящими о былой красотѣ. Я отвезъ ей деньги, а по просьбѣ ректора купилъ черное шелковое платье и привезъ прямо въ университетъ и платье, и Нащокину. Объ этой старушкѣ стоить какъ-нибудь написать особо, а теперь я скажу только, что Вѣра Александровна не могла понять, откуда ей Богъ посылаетъ 100 рублей.

— Вы говорите, отъ «Новаго Времени»? Откуда газета узнала, что я существую на свѣтѣ?

— Это я узналъ отъ ректора московскаго университета. И написалъ Алексѣю Сергѣевичу Суворину, издателю «Новаго Времени». А онъ и выслалъ вамъ 100 рублей,—объяснялъ я.

— Да за что? Чѣмъ я могу отплатить этому доброму человѣку?—женировалась старушка.

— Я передамъ ему отъ васъ поклонъ, вотъ и дѣлу конецъ!

— Ахъ, передайте, что я его благодарю отъ всей души! Я его цѣлую и обнимаю, какъ мать... даже какъ бабушка! Вѣдь, г. Суворинъ, вѣроятно, красивъ, молодъ?

— Онъ самъ старый, сѣдой и почтенный человѣкъ.

— Ну, тогда я цѣлую его, какъ сестра...

Взволнованная Нащокина, намученная жизнью въ нищетѣ, не могла удержать своихъ слезъ.

Однажды я встрѣтилъ В. А. Тихонова. Онъ былъ чѣмъ-то очень взволнованъ.

— Вы давно въ Питерѣ?—спросилъ онъ меня.

— Вчера пріѣхалъ.

— Суворина видѣли, старика?

— Собираюсь къ нему.

— Собирайтесь! Видѣтъ Алексѣя Сергѣевича, говорить съ нимъ—это удѣлъ завидный... Разговоръ его—это откровеніе, положительно, откровеніе! Придешь къ нему, расскажешь про свое горе, а онъ

засмѣется и скажетъ просто: этому горю помочь не трудно! И поможетъ...

В. А. Тихоновъ говорилъ это очень сердечнымъ тономъ. Очевидно, онъ самъ только что испыталъ доброту А. С. Суворина, и разсказъ велъ отъ полноты души.

Я нарочно вставилъ сюда этотъ крошечный эпизодъ. Онъ характеренъ. Много, много людей бывали въ положеніи покойнаго Тихонова, и кто не присоединится къ его словамъ съ такой же горячей благодарностью?

Н. Ежовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

